

СТРАСТНЫЙ

ПИЛИГРИМ

ПЕРЕВОД

В. С. ДАВИДЕНКОВОЙ-

ГОЛУБЕВОЙ

1

Когда она клянется, что верна,
Я верю ей, хоть знаю – ложно это.
Пускай юнцом сочтет меня она,
Не выученным всем обманам света.

Мне льстит казаться юным перед ней,
Хоть знаю лет моих оскудеванье;
С улыбкой внемлю лжи ее речей,
Любви проступкам не даря вниманья.

Что я уж стар, могу ли ей сказать?
В своих летах любимой как сознаться?
Любви не нравится года считать,
И лестью ей отрадно украшаться.

Я лгу, неправду милая твердит, —
И так обман взаимный нами скрыт.

2

Есть две любви, два духа у меня –
Отчаянье мое и утешенье.
Мой демон – это черная жена,
Мужчина белокурый – добрый гений.

Чтоб в ад меня увлечь скорей, дух черный
Склонил к разлуке светлого со мной

612

И, красотой своей маня упорно,
Старается, чтоб стал и он иной.

Быть может, он погиб уже; но я,
Подозревая лишь, не дам в том слова.
Друг с другом и со мной они друзья;
Но добрый дух, боюсь, в аду у злого.

Я лишь тогда уверен буду в том,
Когда злой доброго сожжет огнем.

3

Риторика ль очей твоих небесных,
Что против доводов всегда сильна,
Внушила нарушение клятв известных?
Но казнь за это мне не суждена.

Обет касался женщин, ты ж – богиня,
И, значит, клятвы я не нарушал.
Обет мой был земным, а ты – святыня:
Твоею благостью мой грех пропал.

Обет – дыханье, а дыханье – пар.
Когда ты солнцем надо мною встала,
Впитала ты пары, как некий дар, –
Моя вина твоей виною стала.

Пускай моя! Глупей, желая
Обет забыть, откажется от рая.

4

Раз у ручья Венера, сидя рядом
С Адонисом, чья свежесть так нежна,
Его маня, бросала взгляд за взглядом, –
О, лишь богиня так глядеть властна!

613

И, слух его чаруя нежной сказкой
И прелестью смущая юный глаз,
Она его касалась легкой лаской,

Чтоб ласке той невинность поддалась.

Но был ли он незрел для искушенья,
Понять любви намека ль не желал, —
Он лишь шутил в ответ на оболщенья,
Поклевывал приманку, но не брал.

Тогда пред ним богиня навзничь пала,
Но он умчался прочь, упрямец шальный.

5

Любви презрев обет, как клясться мне в любви?
Возможно верным быть, пленясь лишь красою!
И, клятву преступив, я верным был, пойми.
Хоть стоек я, как дуб, склонюсь к тебе лозою.

Ученье власть твоим передает глазам,
Куда заключены все радости ученья.
Тот знает, кто узнал твои красоты сам,
Умеет –кто сумел воздать тебе хваленье.

Невежда – кто посмел взирать без обожанья.
Коль ценность есть во мне, так та, что я ценю
И взглядов молнии и голоса сверканье,
Что мне звучит, как музыка в раю.

Прости, любовь моя, что райскому творенью
На языке земном слагаю прославление.

6

Лишь солнце выпило росу с полей
И лишь стада под свежей скрылись тенью,

614

Как Цитерея, в нежности своей
От долгого сгорая нетерпенья,

Ждет у ручья, под ивой, где порой
Прохладой вод Адонис наслаждался.
День знойным был, но стал сильнее зной
В ее груди, лишь шаг его раздался.

И он пришел, и плащ с себя он снял:
Нагим стоял на мураве зеленой.
Взгляд солнца землю светом обливал,
Но зорче был богини взгляд влюбленной.

Ее узрев, он сделал в глубь прыжок;

Она ж скорбит: «Зачем я не поток?»

7

Прекрасна, но изменчива она;
Кротка, как голубь, но с душой лукавой;
Светлей стекла но так же непрочна;
Мягка, как воск, но жестче стали ржавой.

С оттенком нежным бледная лилея,
Прекрасней всех, но также всех хитрее.

Как часто мне в любви она клялась
И поцелуи клятвой прерывала!
И, потерять любовь мою страшась,
Как часто сказкой слух мой услаждала!

О верности невинно мне твердила;
Но клятвы, слезы – всё лишь шуткой было.

В огне любви соломинкой горя,
Она, как пук соломы, страсть спалила;
Губила страсть, сама ее творя;
Моля продлиться, прочь сама спешила.

615

Развратница ль? Любила ль неизменно?
Во всем скверна, ни в чем не совершенна.

8

О, если так же музыка близка
С поэзией, как нежный брат с сестрою,
То наша нежность будет велика:
Ведь ты дружна с одной, а я с другою.

Ты любишь Доуленда; ¹ его игра
Небесная на лютне – всем блаженство.
Мне ж Спенсер ² мил; так мысль его остра,
Что без труда над всеми взял главенство.

Ты – любишь лире Фебовой внимать,
Божественной гармонии царице,
А я – готов в блаженстве утопать,
Когда один пост он, без цевницы.

Одно у нас с тобою божество,
И я в тебе боготворю его.

9

Прекрасным утром красоты царица
.....³
Бледней молочно-белой голубицы
От страсти к отроку, что горд и дик.

616

Едва она на холм крутой спустилась, –
Адонис перед ней, со стаей псов.
И вот к нему, любя, она взмолилась,
Чтоб не ходил он дальше, вглубь лесов.

«Однажды юношу я здесь видала:
В бедро он вепрем ранен был лесным;
Смотри, как раз сюда», – она сказала
И обнажила бедра перед ним.

Ран больше, чем одну, увидел он
И, покраснев, в лес убежал, смущен.

10

О розовый бутон, что раньше срока
Уж сорван и увял еще весной,
Померкшая жемчужина востока,
Ты рано смерти срезана косой.
Так слива, что дозреть еще должна,
Порывом ветра с ветки сорвана.

Я плачу о тебе, хоть в завещанье
Тобою упомянут я не был.
Но наделен я свыше ожиданья, –
Ведь ничего себе я не просил.
Друг милый, о пощаде я молю:
Ведь получил я – нелюбовь твою.

11

Венера, юной красотой пленясь,
В тени дерев Адониса прельщая,
О страсти Марса завела рассказ,
Его движеньям пылким подражая.

617

«Вот так, – сказала, – он обнял меня;
Вот так с меня совлек он одеянья, –

И обняла Адониса она,
Чтоб вызвать отрока на подражанье.

«Так воин-бог к устам моим приник»,
И рот ко рту Адониса прижала;
Но лишь перевела дыханье, вмиг
Отпрянул он, не соблазнен нимало.

О, если б ты могла меня ласкать,
Пока я сам не захочу бежать.

12

Старости не сжиться с юностью шальнойю:
Юность так беспечна, старость так грустна;
Юность – утро лета, старость – ночь зимою;
Юность – летний жар, а старость холодна.

Юность силой пышет, старость еле дышит;
Юный бодр, старик убог;
Юность смотрит смело, старость – охладела;
Юный резв, а старый строг.

Старость, ты презренна; юность, ты блаженна;
Молоды любви черты.
Старость ненавижу. О, пастух, приди же!
О, как долго медлишь ты!

13

Что красота? Лишь суетность одна,
Лишь внешний блеск, что быстро тусклым станет.
Стеклу подобна хрупкому она,
Бутону, что, едва раскрывшись, вянет.
Как суетность, цветок иль блеск стекла,
Лишь пробил час, – она уж отошла.

618

Не возвратишь потерянного ты;
Блеск не вернется, как ни три тряпицей;
Увянув, на земле лежат цветы;
Разбитое стекло уж не склеится.
Так красоту ничто уж не вернет –
Ни снадобья, ни краски, ни уход.

14

«Спи мирно! Доброй ночи!» – так она
Сказала мне, лишив меня покоя

И в келью скорби заключив меня,
Чтоб счастье я оплакивал бывшее.
«Будь счастлив!» — но счастливым не был я,
И ужином была мне грусть моя.

Она мне улыбалась: не пойму —
Из дружбы или ненависть скрывающая?
Была ль изгнанью рада моему?
Ждала ль, что я назад вернусь, блуждая?
Да, словно призрак должен я блуждать,
И счастья мне вовек не отыскать.

15

Как на восток гляжу я, боже мой!
Как сердцем я клянусь часы! Денница
Уже зовет нарушить чувств покой;
Но я, на взор не смея положиться,
Внимаю Филомеле, истомясь.
Пусть жаворонка б песня так лилась!

619

Напевом он приход встречает дня,
Прочь прогоняя тьму и сновиденья.
А ночь уйдет — спешу к любимой я,
И сердцу — радость, взорам — наслажденье,
И грусть уходит; но придет опять,
А милая на завтра будет звать.

Будь вместе мы, о, слишком быстрой нам
Ночь мнилась бы; теперь же, мне в досаду,
Минуты тьмы подобны месяцам.
И солнце шлет не мне, цветам отраду.
Ночь стала днем. Собой сменяя тень,
Продлись до завтра, о любезный день!

16

Была у лорда дочка, всех краше дочерей,
В учителя влюбилась она душою всей;
Но, рыцаря увидев раз, что всех на вид милей,
Она пришла в смятенье.

И вот, любви с любовью в борьбу пришлось вступить:
Учителя ль обидеть, иль воина сразить?
Увы, друг с другом вместе их никак не совместить
Девиче бедной было!

Прогнать кого-то надо: задача тем трудна,
Что двух девица сразу утешить не властна.
Отказом рыцаря тогда обидела она:
Увы, что было делать?

На этот раз ученый сильнее, чем воин, был;
Познаны; дав девице, он душу ей пленил.
Спокойной ночи! Так школяр жену себе добыл.
И песенка допета.

620

17

Как-то раз, – увы, увы,
Для любви все дни равны! –
Чудный встретил я цветок;
С ним резвился ветерок,
В бархат нежный лепестков
Он проникнуть был готов.
А влюбленный, весь в огне,
Позавидовал игре.
«Ты касался, – молвит, – щек;
Если б я коснуться мог!
Но робка моя рука:
Клятвой связана она.
Юным клятва – тяжкий груз.
Розы рвать – у юных вкус,
И греха в том, право, нет,
Что нарушил я обет.
Встреть Юпитер – и жену
Счел цыганкой бы свою;
Сан верховный бы сложил
И любви земной служил».

18

Стада от печали
Совсем отощали,
Приплода не дали,
 Всё полно тоской.
Нежность сокрылась,
Верность разбилась,
Сердце стеснилось, –
 Вот что виной.
Песни, пляски мною позабыты.
Видит бог, любовь моя разбита.

10

Там, где был любви мне дан обет,
Там теперь я слышу только: «нет»

621

Скорбь одна дала
Столько сердцу зла.
О Фортуна, хитрая и злая!
Я в тоске своей
Вижу, что мужей
Вероломней женщина любая.

Я плачу, унылый,
И всё мне постыло;
Любовь погубила
Меня, как раба.
Сердце томится
И кровью сочится,
И тяжко влачится
Моя судьба.

20

Бубенцы баранов от печали
Звоном похоронным зазвучали.
Резвый пес, притихнувши, лежит,
И волынка больше не звучит.
Мало мне вздыхать;
Должен я рыдать;
Грустный вопль летит в пустые дали;
Плач мой так силен,
Словно это стон
Тысяч, что в бою кровавом пали.

30

Родник без движенья,
Птиц смолкнуло пенье,
Поблекнул растений
Зеленый наряд.
Овечки скучают,
Стада засыпают,
И нимфы взирают
В испуге назад.
Радость та, что знали мы, селяне,
Счастье встреч веселых на поляне,
Вечера забав и удалства –
Всё погибло, раз Любовь мертва.

40

622

Милая, прости;
Не хотела ты
Мне свое отдать благоволение, –
Значит, Коридон⁴
Бедный осужден
Жить один, не зная утешенья.

50

19

Глазами милую избрав,
Лань обрекая на закланье,
Покорствуй разуму: он прав
И в похвалах и в порицанье.
Внемли совету мудреца –
Не холостого, но юнца.

Пусть без прикрасы с уст твоих
Слова признания польются,
Чтоб не сквозила хитрость в них,
Хромому ведь легко споткнуться.
Скажи, что любишь всей душой,
И честно свой товар открой.

10

Пусть хмурится она; потом, –
Знай, – взор сердитый просветлеет;
О лицемерии своем
Она до ночи пожалеет
И пожелает дважды в ночь
Того, что оттолкнула прочь.

Коль заупрямится в борьбе,
Знай, сколько б «нет» ни говорила,
Уступит наконец тебе
И скажет, сломленная силой:

20

623

«Когда бы женам – мощь мужей,
Клянусь, не стала б я твоей!»

Ее желаниям под стать,
Будь щедрым, трать неутомимо,
Чтоб похвалы себе снискать,
Отрадны ушам любимой.
Все замки, башни пробивая,
Всесильна пуля золотая.

30

Служи ей ревностно всегда,
Ухаживай правдиво, скромно
И отступайся лишь тогда,
Когда поймешь, что вероломна.
Хоть гонит прочь, – ты, не смутясь,
Дерзай, когда придет твой час.

Уловок, прихотей пустых,
Что кроет внешность показная,
Капризов женских, шуток их
Петух не знает, обладая. 40
Недаром все твердят зато,
Что «нет» для женщины – ничто.

Они, святошества полны,
Боятся лишь, греша с мужчиной,
Что будут рая лишены,
Когда промчатся их години.
Будь вся отрада – лишь лобзать,
Жена жену звала б в кровать.

Но тише, хватит! Иль меня
Услышит милая, и строго 50
Шепнет мне на ухо она,
Что я болтаю слишком много,
И покраснеет: стыдно, знать,
Своим секретам ей внимать.

624

20

О, будь возлюбленной моей!
Среди холмов, долин, полей,
В горах скалистых мы вдвоем
С тобою счастье найдем.
Увидим вместе мы тогда,
Как пастухи пасут стада,
Как над рекой, где водопад,
Птиц песни звонкие звучат.
Из тысяч роз я постелю
Постель душистую твою,
Одену в чепчик из цветов
И в плащ из миртовых листков.
Плющ поясом твоим бы стал,
На пряжке бы зардел коралл.
Пленясь утехами полей,

О, будь возлюбленной моей!

ОТВЕТ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Когда б любовь была юна
И клятва пастушков верна,
Тогда среди холмов, полей
Я милой стала бы твоей.

21

Раз веселым майским днем
Ликовало всё крутом:
В роще миртовой, густой,
Птицы пели надо мной;
Звери прыгали, резвясь;
Зелень пышная вилась.
Каждый скорбь забыл свою
Не забыть лишь соловью.
Он, как те, кто горе знал,
Грудь свою к шипу прижал,

10

625

И звенела песнь вокруг,
Наполняя скорбью слух.
«Фью-Фью-Фью», – так плакал он,
«Тери-тери»,⁵ – неся стон.
Внемля жалобным ладам,
Я едва не плакал сам;
Ибо, слыша соловья,
Скорбь свою припомнил я
И твердил: «К чему печаль?
Никому тебя не жаль;
У деревьев нет ушей,
Состраданья – у зверей.
Мертв отец твой, Пандион;⁶
Всякий друг твой схоронен;
Льются песни птиц родных,
Но ненужен ты для них.
Птичка бедная моя,
Так же тщетно плачу я;
И смеется рок лихой,
Обманувший нас с тобой.

20

30

Льстец, когда придет беда,
Не поможет никогда.
Словно ветер, звук речей;

Нелегко найти друзой.
Всяк тебе быть другом рад,
Если только ты богат,
А когда казна худа,
Помощи не жди тогда.
Если кто кутила, мот, –
Щедрым льстец того зовет, 40
И твердит льстеца язык:
«Вот кто царственно велик!»
Мил ли богачу разврат, –

626

Угодить ему спешат;
Если любит женщин, – вмиг
Для него отыщут их.
Но едва грозней судьба,
Как смолкает похвальба,
И забыть его готов 50
Прежний круг его льстецов.
Только верный друг тебе
Рад помочь в плохой судьбе.
Грустен ты – и он скорбит;
Ты без сна – и он не спит;
Долю всех твоих забот
В сердце он своем несет.
Узнается, знай, лишь так
Верный друг и льстивый враг.

655

СТРАСТНЫЙ ПИЛИГРИМ

В 1599 г. издатель Джаггард выпустил в свет сборник стихотворений под заглавием: *Страстный пилигрим. Сочинение В. Шекспира*. Это не что иное, как грубая спекуляция именем Шекспира, которое к этому времени сделалось уже чрезвычайно популярным. На самом деле лишь около половины составляющих сборник стихотворений принадлежит Шекспиру, причем многие из них были напечатаны раньше или ходили по рукам и были беззастенчиво использованы издателями; остальные же написаны другими лицами. В своем обмане Джаггард косвенно признался сам. В 1612 г. он повторил это издание (верный себе, он пометил его как 3-е, тогда

как на деле оно было только 2-м), присоединив еще несколько стихотворений, и в том числе стихи, принадлежавшие современнику Шекспира, драматургу и поэту Томасу Хейвуду. Когда Хейвуд заявил в резкой форме свой протест, Джаггард ограничился тем, что заменил титульный лист другим, на котором имя Шекспира уже не значилось.

Новейшая критика высказывается по вопросу о принадлежности отдельных стихотворений сборника следующим образом:

№ 1. Вариант шекспировского сонета 138.

№ 2. Вариант шекспировского сонета 144.

№ 3. Сонет Лонгвиля к Марии в *Бесплодных усилиях любви* (IV, 3, 56—69)⁷.

№ 4. Возможно, что это один из набросков Шекспира к *Венере и Адонису*.

№ 5. Сонет, который читает Нафанаил в *Бесплодных усилиях любви* (IV, 2, 100—113).

№ 6. Также, быть может, набросок к *Венере и Адонису*.

№ 7. Возможно, что принадлежит Шекспиру.

№ 8. Вероятно, принадлежит Ричарду Барнфильду, так как было напечатано под его именем в 1598 г.

№ 9. Быть может, набросок к *Венере и Адонису*.

№ 10. Едва ли принадлежит Шекспиру.

№ 11. Вероятно, принадлежит Бартоломью Гриффину, так как было напечатано под его именем в 1596 г.

№ 12. Вероятно, не принадлежит Шекспиру.

№ 13. Едва ли принадлежит Шекспиру. По стилю это стихотворение очень близко к № 10.

656

№ 14. Вероятно, не принадлежит Шекспиру.

№ 15. То же.

№ 16. Безусловно не принадлежит Шекспиру.

№ 17. Стихи Дюмона к Катерине в *Бесплодных усилиях любви* (IV, 3, 97—116).

№ 18. Вопрос об авторстве неясен. Было напечатано в *Мадригалах* Уикса, 1597; затем снова в альманахе *Английский Геликон*, 1600, под заглавием: *Жалоба неизвестного пастуха*, с подписью: Ignoto (Неведомый).

№ 19. Принадлежность Шекспиру сомнительна.

№ 20. Принадлежит Марло. Ответ возлюбленной, как думают, присочинен Уолтером Рели.

№ 21. Вероятно, принадлежит Ричарду Барнфильду, так как было напечатано под его именем в 1598 г. Также переиздано в *Английском Геликоне*, с подписью: Ignoto.

Ввиду неясности вопроса об авторстве многих стихотворений, мы, следуя традиции прежних изданий сочинений Шекспира, печатаем сборник полностью.

¹ Придворный музыкант королевы Елизаветы, славившийся своею игрой на лютне.

² Знаменитый английский поэт, старший современник Шекспира (1553–1559).

³ В дошедшем до нас английском тексте недостает строки.

⁴ Пастушок Коридон – один из персонажей эклог Вергилия.

⁵ Возглас этот – звукоподражательный и вместе с тем смысловой. В *Метаморфозах* Овидия рассказывается, что Терей обесчестил сестру жены своей Филомелу. Превращенная после этого богами в соловья, она всё время оплакивает свое несчастье, вспоминая виновника его – Теря.

⁶ Пандион – афинский царь, отец Филомелы.

⁷ Этот сонет, так же как 5 и 17, мы воспроизводим в переводе М. А. Кузмина.